

УДК 332.1:338.4
DOI

ДИАГНОСТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ И ТОРГОВО-СЕРВИСНОМ СЕКТОРАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

¹Вилачева М.Н., ¹Мустафина О.В., ²Петухова С.В., ²Наталина Т.В.

¹ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
Екатеринбург, e-mail: gonchmn@usue.ru;

²ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет
экономики и управления», Новосибирск

Целью статьи является количественная оценка и конструктивная интерпретация дисбалансов между агропромышленным и торгово-сервисным секторами в субъектах Уральского федерального округа в 2024–2025 гг. На основе оперативной Межрегиональной базы данных «Урал» построены укрупненные индикаторы: индекс промышленного производства как прокси-характеристика переработки сырьевых аграрных ресурсов, индекс сельскохозяйственного производства, а также динамика оборота розничной торговли и платных услуг населению как рыночного конвейера конечного спроса. Методология сочетает сравнительно-статистический и балансово-коэффициентный анализ с классическим приемом benchmarking между регионами-соседями. Для каждого субъекта УФО вычислены относительные изменения индексов 2025/2024 гг., коэффициенты эластичности торговли и услуг по отношению к промышленному выпуску, типологические коэффициенты сбалансированности. Результаты показывают, что Свердловская область демонстрирует «сбалансированный рост», тогда как Курганская и Челябинская области компенсируют спад в обрабатывающих отраслях бурным расширением торговли. В нефтегазовых округах текущая зависимость от сырьевых цен сглаживает производственные флуктуации, но не устраняет сервисных перекосов. Практическая значимость исследования состоит в предложении количественных критериев мониторинга региональных дисбалансов, что позволяет органам власти адресно калибровать аграрно-промышленную и торгово-сервисную политику на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, торговля, услуги, дисбалансы, региональная экономика, Уральский федеральный округ, сравнительный анализ

DIAGNOSTICS OF REGIONAL IMBALANCES IN THE AGROINDUSTRIAL AND TRADE AND SERVICE SECTORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

¹Vilacheva M.N., ¹Mustafina O.V., ²Petukhova S.V., ²Natalina T.V.

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: gonchmn@usue.ru;

²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

The objective of the article is to quantitatively assess and constructively interpret the imbalances between the agro-industrial and trade and service sectors in the constituent entities of the Ural Federal District in 2024–2025. Based on the operational Interregional Database “Ural”, aggregated indicators were constructed: the industrial production index as a proxy characteristic of the processing of raw agricultural resources, the agricultural production index, and the dynamics of retail trade turnover and paid services to the population as a market consignor of final demand. The methodology combines comparative statistical and balance-coefficient analysis with the classical “benchmarking” technique between neighboring regions. For each constituent entity of the Ural Federal District, relative changes in indices for 2025/2024, elasticity coefficients of trade and services in relation to industrial output, and typological balance coefficients were calculated. The results show that Sverdlovsk Oblast demonstrates “balanced growth”, while Kurgan and Chelyabinsk Oblasts compensate for the decline in manufacturing industries with a rapid expansion of trade. In oil and gas districts, the current dependence on raw material prices smooths out production fluctuations, but does not eliminate service imbalances. The practical significance of the study lies in the proposal of quantitative criteria for monitoring regional imbalances, which allows government bodies to specifically calibrate agrarian-industrial and trade-service policies at the level of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: agro-industrial complex, trade, services, imbalances, regional economy, Ural Federal District, comparative analysis

Введение

Развертывание агропромышленного комплекса (АПК) традиционно рассматривается как фундамент устойчивости региональной экономики, особенно в ресурсно диверсифицированных территориях Уральского

федерального округа (УФО). Наряду с перерабатывающей промышленностью, формирующей добавленную стоимость сельскохозяйственного сырья, ключевую роль в формировании конечного спроса играют торгово-сервисные сектора – розничная торговля

и платные услуги населению [1, 2]. Однако разнонаправленная динамика указанных подсистем приводит к дисбалансам, проявляющимся в структуре валового регионального продукта (ВРП), трудовой занятости и ценовой конъюнктуре. Актуальность комплексной диагностики таких диспропорций возрастает в условиях посткризисного восстановления экономики России, усиленной ролью импортозамещения и разнообразием региональных траекторий развития. УрФО представляет уникальный экономико-географический конгломерат, в котором соседствуют высокоиндустриальные («старопромышленные») области – Свердловская и Челябинская, аграрно-ориентированные Курганская и частично южная часть Тюменской, а также сырьевые автономные округа, где добыча углеводородов сочетается с локальными проектами продовольственного самообеспечения. Такая мозаичность формирует многоукладный ландшафт АПК и мультимаршрутное движение товаров и услуг. При этом институциональные стейкхолдеры, отвечающие за реализацию Стратегии социально-экономического развития УФО, сталкиваются с задачей балансировки промышленного роста и сервисно-потребительской динамики. На фоне волатильности внешних рынков, логистических разрывов и санкционных ограничений инструментальное обеспечение этой задачи требует актуальных аналитических панелей, отражающих реальную скорость перераспределения ресурсов между отраслями.

К.А. Гуреев и Е.Г. Гуреева подчеркивают, что агрегирование финансовой отчетности бизнес-комплексов позволяет оперативно фиксировать смещения в структуре региональной экономики и выявлять узкие места ресурсного обеспечения [3]. В русле данной логики А.Ф. Пасынков конструирует балансы сектора «Общего управления» для УФО, отмечая, что структурные проблемы чаще всего возникают на стыке индустрии и сферы услуг [4]. Л.И. Попкова и А.С. Овсянников предлагают ПАО Region Vector – инструмент анализа аграрной активности населения, позволяющий локализовать очаги низкой производственной эффективности и сопоставить их с параметрами конечного спроса [5]. С.А. Голубева и Е.А. Голубева, опираясь на диагностику финансовых показателей сельхозорганизаций, приходят к выводу о необходимости коррекции кредитно-налоговой поддержки в зависимости от региональной специализации [6]. А.Я. Троцкий с соавт. показывают, что изменения территориально-отраслевой структуры России усиливают поляриза-

цию агропромышленных регионов, требуя специфических мер управления спросом и предложением [7]. С.А. Андрущенко и Ю.П. Бондаренко подчеркивают приоритетность государственной поддержки регионального АПК через механизмы кластеризации и инновационной инфраструктуры [8]. Т.Л. Самков демонстрирует потенциал многоотраслевых энергетических моделей (АТМО) для раскрытия производственно-транспортных связей, влияющих на эффективность продовольственных цепочек [9]. Е.В. Мартынова и А.В. Полбин исследуют динамику доходов домохозяйств, выявляя, что опережающий рост потребительских расходов способен краткосрочно маскировать производственные провалы регионов [10]. В.Е. Дементьев определяет набор факторов, дифференцирующих темпы роста субъектов РФ, включая институциональное качество и специализацию экономики [11]. О.А. Demidova фиксирует различную скорость конвергенции богатых и бедных регионов, подчеркивая неоднородность сервисных секторов [12]. С.Н. Растворцева акцентирует роль инноваций в переломе предшествующей траектории, что критично для агропромышленных субъектов с ограниченной ресурсной базой [13, 14]. Также авторы выявляют тренды специализации российских областей, подчеркивая усложнение отраслевых цепочек и рост сервисной компоненты даже в традиционно индустриальных зонах, и рассматривают механизмы приоритизации индустриального развития, указывая на необходимость учета локального спроса на услуги при формировании промышленных кластеров [15, 16]. В.Н. Лившиц с коллективом доказывает, что территориальная локализация отраслей усиливает внутригрупповую дифференциацию по уровню экономической активности, порождая сервисно-промышленные асимметрии [17]. Систематизация приведенных позиций формирует теоретический каркас настоящего исследования, где ключевым пробелом остается отсутствие интегральной метрики «производство – сервис» на уровне каждого субъекта УрФО.

Цель исследования – провести анализ региональных дисбалансов между агропромышленным и торгово-сервисным секторами в субъектах УрФО, классифицировать территории по типу дисбаланса и сформулировать рекомендации по его сглаживанию.

Материалы и методы исследования

Данные: ежемесячные показатели 2024–2025 гг. из оперативной Межрегиональной базы данных «Урал». Выбор агрегатов обусловлен их доступностью и репрезента-

тивностью для АПК (индекс промышленного производства, индекс сельского хозяйства) и торгово-сервисной сферы (оборот розничной торговли, объем платных услуг населению).

Для оценки дисбаланса применены:

Темповые коэффициенты – отношение значения индекса (или оборота) в январе 2025 г. к соответствующему значению января 2024 г. Балансовый коэффициент сбалансированности ($K_{сб}$) = Темп торговли / Темп промышленности. $K_{сб} \approx 1$ трактуется как сбалансированность; > 1 – сервисный перекоп; < 1 – производственный перекоп. Кластеризация k-means ($k = 3$) по вектору $\{K_{сб}, \text{темпы промышленности, темпы торговли}\}$. В качестве дополнительного контроля выполнена корреляционная проверка Пирсона между приростом заработной платы и динамикой торговли, что позволило отследить потребительский мультипликатор. Точность чисел обеспечена двукратной верификацией с первичными Excel-файлами Росстата.

Результаты исследования и их обсуждение

Диагностический алгоритм стартовал с фиксации «точек инерции» – января 2024 г. как базового периода и января 2025 г. как первого полного месяца последующего года. Такой подход позволяет исключить сезонную синхронность в АПК (зимнее межсезонье) и сконцентрироваться на структурных сдвигах. В аграрных регионах торговля в январе традиционно снижается вследствие постновогоднего эффекта, однако в 2025 г. наблюдалась атипичная активизация потребительского спроса, что предположительно связано с перераспределением доходов от экспортно-сырьевой ренты и расширением

онлайн-каналов сбыта. Для промышленности январь, напротив, характеризуется «плановым ремонтом» производственного оборудования. В этом контексте изменение промышленного индекса на 8–10 п.п. (как в Свердловской области) априори требует пояснения по линии обновления основных фондов и ритмичности заказов гособоронзаказа. Представленные ниже таблицы агрегируют ключевые результаты вычислений, раскрывая температуру региональных дисбалансов на момент января 2025 г.

Индекс промышленного производства (ИПП) рассматривается как агрегированная характеристика переработки сырьевых ресурсов, в том числе сельскохозяйственного происхождения. Его январские значения особенно показательны: предприятия после декабрьской плановой нагрузки переходят к ежегодным ремонтам, и любое отклонение от 100% указывает либо на ускорение реконфигурации производственных цепочек, либо на неожиданные колебания спроса. Сравнение региональных ИПП за январь 2024/2025 гг. таким образом позволяет оценить устойчивость промышленного ядра субъектов УФО (табл. 1).

Оборот розничной торговли служит чувствительным индикатором конечного внутреннего спроса, отражающего поведение домохозяйств и качество распределения располагаемых доходов. Рост или падение розницы в январе тесно связаны с «новогодним» эффектом, скидочными кампаниями и наличием свободной ликвидности населения. Сопоставляя динамику ритейла с ИПП, можно выявить, компенсирует ли потребительский сегмент производственные просадки или же, напротив, усиливает эффект промышленного подъема (табл. 2).

Таблица 1

Динамика индекса промышленного производства (январь 2025 г. к январю 2024 г.)

Регион	2024, %	2025, %	Δ , п.п.	Темп, %
Курганская обл.	142,0	131,9	–10,1	92,9
Свердловская обл.	100,2	108,9	+8,7	108,7
Тюменская обл.	98,3	97,8	–0,5	99,5
Тюменская обл. без АО	101,9	98,8	–3,1	96,9
ХМАО – Югра	93,8	94,8	+1,0	101,1
ЯНАО	103,1	101,1	–2,0	98,1
Челябинская обл.	102,9	96,5	–6,4	93,8

Источник: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 25.04.2025).

Таблица 2

Прирост оборота розничной торговли (январь 2025 г. к январю 2024 г.)

Регион	2024, млн руб.	2025, млн руб.	Прирост	Темп, %
Курганская обл.	13 635	15 471	1 836	113,5
Свердловская обл.	118 505	136 174	17 669	114,9
Тюменская обл.	114 633	124 829	10 196	108,9
Тюменская обл. без АО	49 457	53 734	4 277	108,6
ХМАО – Югра	47 197	51 600	4 403	109,4
ЯНАО	17 978	19 496	1 518	108,4
Челябинская обл.	75 592	92 874	17 282	122,8

Источник: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 25.04.2025).

Таблица 3

Типология дисбалансов ($K_{сб}$ = Темп торговли / Темп промышленности)

Регион	$K_{сб}$	Тип дисбаланса	Ключевой драйвер
Курганская обл.	1,22	Услуго-компенсированный спад	Потребительский спрос
Свердловская обл.	1,06	Сбалансированный рост	Производство + торговля
Тюменская обл.	1,09	Умеренный сервисный драйвер	Торговля
Тюменская обл. без АО	1,12	Сервисная компенсация	Торговля
ХМАО – Югра	1,08	Сбалансированный умеренный рост	Нефтегаз + торговля
ЯНАО	1,11	Сервис-ориентированный рост	Торговля
Челябинская обл.	1,31	Торгово-восстановительный	Потребительский спрос

Источник: составлено авторами.

Для интегральной оценки дисбаланса введен коэффициент сбалансированности ($K_{сб}$), равный отношению темпа роста торговли к темпу роста производства. Значения $K_{сб}$ около 1 свидетельствуют о гармоничном развитии; превышение единицы означает сервисный перекос, а значения ниже 1 – производственный перекос. Дополнительная детализация по драйверам (сырьевой, потребительский, инвестиционный) позволяет уточнить природу выявленных асимметрий (табл. 3).

Сравнительный разбор трех таблиц позволяет увидеть, что в среднем по УрФО промышленное производство просело до 98,8% от базового уровня, тогда как розничная торговля, напротив, выросла до 113,5%. Свердловская область сформировала редкий для округа «синхрон-рост»: прирост ИПП на 8,7 п.п. практически совпал по масштабу с расширением ритейла на 14,9%, в результате чего $K_{сб}$ составил лишь 1,06 и подтвердил сбалансированную модель развития. Курганская область продемонстрировала иную траекторию: спад

промышленности на 10,1 п.п. сопровождался ускорением розницы на 13,5%, что вывело коэффициент до 1,22 и заставило сферу услуг выполнять роль временного «амортизатора» промышленного падения.

В Тюменской области совокупное снижение ИПП на 0,5 п.п. при одновременном росте торговли на 8,9% сформировало умеренный сервисный перекос ($K_{сб} = 1,09$), однако гигантский инвестиционный пакет 2024 г. (7,38 трлн руб.) указывает на вероятный промышленный отскок в середине четырехлетнего горизонта. Более выразительный сервисный драйв характерен для Тюменской области без автономных округов – здесь откат промышленности на 3,1 п.п. сочетался с приростом ритейла на 8,6%, и параметр $K_{сб}$ достиг 1,12.

Нефтегазовые ХМАО и ЯНАО сохранили относительный баланс: промышленные отклонения ± 2 п.п. компенсировались ростом торговли на 9–10%, оставив $K_{сб}$ в узком коридоре 1,08–1,11. Однако специфика их потребительского рынка – высокая доля завозных товаров – снижает мультиплика-

тивный эффект внутреннего спроса и ограничивает развитие локальных агропромышленных цепочек.

Наиболее контрастную картину продемонстрировала Челябинская область. Падение ИПП на 6,4 п.п. параллельно взвинтило оборот розницы на 22,8%; коэффициент $K_{сб}$ всплеснул до 1,31, сигнализируя о перегреве потребительского сектора. Корреляция прироста зарплат и торгового оборота ($\rho = 0,62$) подтверждает, что значительная часть спроса формируется на дополнительных доходах домохозяйств, а не на стабильно растущей производственной базе, что чревато ценовыми пузырями и дальнейшим ослаблением промышленного ядра.

В целом типологизация вывела три устойчивые группы: «сбалансированные территории» (Свердловская область, ХМАО), «сервисно-компенсированные регионы» (Курганская, обе Тюменские административные единицы, ЯНАО) и «торгово-перегретый узел» (Челябинская область). Для первых акцент управления смещается к поддержанию синергии между производством и сервисами; для второй группы – к стимулированию индустриальных проектов и расширению перерабатывающих мощностей; для третьей – к охлаждению потребительского рынка через инструмент таргетированных инвестиций в АПК и производственную кооперацию.

Заключение

Углубленная диагностика дисбалансов между агропромышленным производством и торгово-сервисной сферой позволила расширить представление о внутренней логике экономической трансформации субъектов УФО. Ключевой вклад работы заключается не столько в фиксации конкретных расхождений темпов, сколько в обосновании интегрального подхода, где производственная и потребительская подсистемы анализируются как единый контур, подверженный системным колебаниям. Разработанный коэффициент сбалансированности и трехуровневая типология регионов способны выполнять функцию «раннего предупреждения», сигнализируя регуляторам о накоплении асимметрий задолго до того, как они материализуются в фискальных разрывах или социальном напряжении.

Практическая значимость методики проявляется в возможностях точечной настройки инструментов региональной политики. Например, для территорий с «сервисно-компенсированным» профилем актуальна приоритизация проектов глубокой переработки сельхозсырья и логистических хабов, тогда как «торгово-перегретый» про-

филь требует мягких механизмов охлаждения потребительского рынка через стимулирование кооперации производителей и ограничение избыточного кредитного спроса. Деловое сообщество получает дополнительный ориентир: инвесторы могут соотносить горизонты окупаемости сервисных проектов с состоянием производственного ядра, минимизируя риск формирования пузырей.

Общественное измерение проблемы выражается в сохранении баланса между растущими доходами населения и устойчивостью базовых отраслей. Перекосы в пользу торговли, если не сопровождать их расширением местной промышленной базы, ведут к повышению импортной зависимости, росту цен и сужению занятости в реальном секторе. Следовательно, гармонизация контуров «производство – сервис» способствует не только экономической, но и социальной стабильности.

В совокупности предложенный исследовательский инструментарий формирует основу для системного мониторинга, закладывает методологический мост между отраслевыми и пространственными исследованиями и открывает перспективу применения в других федеральных округах России.

Список литературы

1. Simonov K.V., Girfanova N.A. Managing a high-tech startup: A case of machine vision for the poultry industry // *The Manager*. 2023. Vol. 14, Is. 2. P. 47–61. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-2-4.
2. Ковалев В.Е., Антинескул Е.А. Продовольственный ритм в сельской местности: выбор оптимального формата // *Journal of New Economy*. 2024. Т. 25. № 2. С. 108–129. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-2-6.
3. Гуреев К.А., Гуреева Е.Г. Потенциал исследований финансового состояния региональных бизнес-комплексов на основе агрегирования данных финансовой отчетности // *Российский экономический журнал*. 2024. № 1. С. 63–85. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_1_63.
4. Pasyukov A.F. Compilation of regional financial balances for the 'General Governance' sector in the Ural Federal District // *R-Economy*. 2020. Vol. 6, Is. 4. P. 251–260. DOI: 10.15826/recon.2020.6.4.022.
5. Попкова Л.И., Овсянников А.С. Region vector – программное обеспечение для анализа активности населения в аграрном секторе экономики // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*. 2021. № 1. С. 3–13. DOI: 10.17308/geo.2021.1/3251.
6. Голубева С.А., Голубева Е.А. Диагностика финансовых показателей сельскохозяйственных организаций региона // *Экономика сельского хозяйства России*. 2023. № 3. С. 45–49. DOI: 10.32651/233-45.
7. Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках // *Регион: Экономика и Социология*. 2022. № 1 (113). С. 201–234. DOI: 10.15372/REG20220107.
8. Андрищенко С.А., Бондаренко Ю.П. Предпосылки и приоритеты государственной политики регионального развития агропромышленного комплекса России // *Между-*

народный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 4 (400). С. 443–447. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_4_443.

9. Samkov T.L. Reflection of Production and Energy Inter-Sectoral Relations in the Model of Analysis of Territorial Multi-sector Objects (ATMO) // Problems of the Regional Energetics. 2020. № 3 (47). P. 116–131. DOI: 10.5281/zenodo.4018993.

10. Мартянова Е.В., Полбин А.В. Анализ динамики доходов домохозяйств России на основе базы данных РМЭЗ // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 6. С. 271–287. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-6-271-287.

11. Дементьев В.Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 2. С. 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21.

12. Demidova O.A. Convergence of Russian Regions: Different Patterns for Poor, Middle and Rich // Economy of Regions. 2021. Vol. 17, Is. 4. P. 1151–1165. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-8.

13. Растворцева С.Н. Инновационный путь изменения траектории предшествующего развития экономики

региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 1. С. 28–42. DOI: 10.17059/2020-1-3.

14. Firmansyah O.Sh., Handayani S. Industries Development with the Input-Output Analysis: Investment Simulation on Two Regencies in Indonesia // Economy of Regions. 2023. Vol. 19, Is. 1. P. 220–229. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-17.

15. Kotlyarova S.N., Shamova E.A. Development Trends and Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions // R-Economy. 2023. Vol. 9, Is. 4. P. 384–404. DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.024.

16. Акбердина В.В., Романова О.А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 714–736. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1.

17. Лившиц В.Н., Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Межрегиональная дифференциация в РФ: эмпирический анализ влияния территориальной локализации отраслей на уровень экономической активности регионов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59. № 3. С. 77–90. DOI: 10.31857/S042473880026994-2.